

Секция «История»

Конструирование традиции: прения о вере 1644-45 гг.

Васильева Арина Геннадьевна

Соискатель

Пермский государственный университет им. А.М. Горького,

Историко-политологический, Пермь, Россия

E-mail: vassumitra@yandex.ru

В XVII веке, когда связи с западными государствами стали более интенсивными, проблема отношения к иностранному, прежде всего иноверному, влиянию стала для московских книжников особенно актуальной. В то же время столкновение с чужим, принципиально отличным от привычного стало веской причиной для самоопределения, формулирования собственных идей. Новому и незнакомому противопоставлялась традиция, комплекс авторитетных образцов, взятых из прошлого. Для интерпретации общественной мысли России XVII в. перспективным представляется использование тезисов Е. Шацкого о традиционализме и конструировании традиции: декларируя приверженность прошлому, сторонники традиции никогда не принимают его целиком – традиция как комплекс конкретных идей всегда является результатом отбора [Шацкий, 1990].

С этой точки зрения интересны памятники прений, возникших по поводу предполагаемого брака датского королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны в 1644-1645 г. Главным препятствием заключению этого брака была принадлежность жениха и невесты к разным конфессиям: русские не оставляли надежды убедить королевича принять православие, датчане же требовали гарантий свободы вероисповедания. После долгих предварительных переговоров, во время которых московские послы не высказывались однозначно по поводу веры, в январе 1644 г. королевич приехал в Москву. Здесь выяснилось, что свадьба состоится только в том случае, если жених примет православие. Королевич отказался. В течение почти полутора лет (датское посольство покинуло Москву в августе 1645 г.) его всячески убеждали изменить решение. Комплекс источников, отражающий эту двусмысленную и неприятную для обеих сторон ситуацию, был впервые опубликован в 1892 г. [Памятники, 1892].

Вести полемику с датской стороной было поручено Ивану Наседке (письма, подписанные патриархом Иосифом, по мнению исследователей [Опарина, 1998; Памятники, 1892; Цветаев, 1884], тоже принадлежат ему).

Главной целью было убедить королевича-протестанта в необходимости перекрещивания. Обещания «великой чести» и акцент на решение датского короля, который «отпустил» принца «на всей воли его царского величества» [Памятники, 1892, с. 22], не действовали, и авторы решили доказать принцу превосходство православия. В апреле 1645 года стороны обменялись письмами, позже состоялись прения Ивана Наседки и датского пастора Матвея Фельгабера по вопросу о перекрещивании.

Не останавливаясь на дискуссии вокруг вопросов богословия (корпуса почитаемых текстов и содержания догматов) и перевода конкретных терминов (при личной встрече главным стал вопрос о том, как именно переводится греческий глагол, описывающий процедуру крещения – «обливать» или «погружать»), обратим внимание на аргументы другого рода.

Главные недостатки, которые автор видит в протестантизме – это отсутствие преемственности: тот факт, что «Мартин к вам собою назвался учителем и законоположник стал» [Памятники, 1892, с.139], возмущает его едва ли не больше, чем то, что датчане когда-то были католиками. Основы протестантизма, по мнению Ивана Наседки, не имеют сакральной составляющей: «А вы Мартина своего нарицаете мужа свята, праведна; показал ли он хотя едино чудо апостолское пред вами? а сами вы ведаете, как он зачался и чем скончался» [Памятники, 1892, с.140]. Кроме этого, отсутствие высшего архиерея лишает благодати всю существующую у протестантов иерархию.

Всему этому противопоставляется история русской православной церкви. Автор разделяет «веру» и «чин». Через греческую православную церковь русские люди сопричастны вере апостолов. Цепочка преемственности «чина» восстанавливается автором более подробно: после принятия крещения при князе Владимире на Руси появился первый митрополит Михаил. Последующие митрополиты рукополагались константинопольским патриархом, вплоть до падения Константинополя. Однако насильственно разорванная преемственность была непознаваемым образом восстановлена: «прииде тогда на Русь, ни от кого же зван, Цареградский патриарх Иеремия и постави на Росии патриарха Иова» [Памятники, 1892, с.149].

Сталкиваясь с альтернативной точкой зрения на принципиально важную проблему (вопрос священства, рассматриваемый протестантами иначе, чем православными), автор аргументирует собственную с помощью комплекса идей и авторитетов из прошлого. Предложенный комплекс идей является результатом отбора: автор акцентирует внимание на том, что русская церковь всегда поддерживала тесные связи с греческой («С четырьмя вселенскими патриархи и до днесь о православии ссылаемся» [Памятники, 1892, с.140]), но при этом выпускает из внимания опыт самостоятельности русской церкви между падением Константинополя и учреждением патриаршества, существовавшую разницу в обрядах русской и греческой церкви и другие аспекты.

Принципиальной ценностью для Ивана Наседки как представителя отечественного традиционализма является преемственность, связь существующего в настоящем с идеалом, лежащим в прошлом. Цепочка преемственности, в свою очередь, является результатом отбора наиболее соответствующих отстаиваемой точке зрения идей и авторитетов.

Источники и литература

1. Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998
2. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные А. П. Голубцовым. // Чтения в императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1892. Кн. 2
3. Цветаев Д. Из истории брачных дел в царской семье московского периода. М., 1884
4. Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.